КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Демидов Д.Г., Калиновская В.Н., Колесов В.В., Черепанова О.А. **Язык и ментальность в русском обществе XVIII века** / отв. ред. В.В. Колесов. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. – 318 с.

Любой историк русского языка испытает чувство удовлетворения при знакомстве с коллективной монографией под редакцией доктора филологических наук В.В. Колесова. Сказать, что сама проблема *язык – общество – ментальность* решается впервые, было бы необъективным. В какой-то степени первопроходцем в этом направлении в России был А.А. Потебня, который в своих трудах «Мысль и язык» (1862), «Язык и народность» (1895), «Из записок по теории словесности» (1905) показал связь духовных особенностей народа с его языком, а также взаимообусловленность понятий: *язык – мышление – искусство – культура*. После А.А. Потебни никто проблемой *язык – ментальность* основательно не занимался, и казалось, что интерес к исследованиям подобного рода исчез. Однако по прошествии более ста лет появляется серия работ В.В. Колесова, посвящённых осмыслению того, что представляет собой ментальность (ранее – предмет исключительно философских изысканий) как лингвистическая категория с древнейших времён в её тесном контакте с языковой эволюцией. Одна из первых статей учёного – «Отражение русского менталитета в слове»[1].

Во вводной части монографии В.В. Колесов ставит задачу не только выявить признаки ментальности, но и показать истоки, определившие её специфику в языке и обществе XVIII века, характеризующуюся сложнейшими преобразующими процессами. По его мнению, ментальность следует понимать как осознанную духовность, которую «можно определить как мировосприятие в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера в типичных его свойствах и проявлениях» (с. 20). Если перевести это довольно сложное определение на простой язык, то, очевидно, можно интерпретировать ментальность как один из показателей мышления и восприятия мира человеком, реализованный в родном языке.

Своеобразна структура работы, которая состоит из глав – лингво-теоретических раздумий В.В. Колесова с экскурсами в область философских знаний (глава 1 «Россия в XVIII веке», глава 2 «Язык, речь, ментальность», глава 5 «Речевые стили и стиль жизни», глава 7 «Вразумление понятием»), которые перемежаются с материалами, в основном, практического характера: глава 3 «Становление имперского сознания и языковая ситуация в XVIII веке» (О.А. Черепанова),

[1] Опубликовано в межвузовском сборнике «Человек в зеркале наук» (СПб., 1991).

глава 4 «Русский литературный язык на основе славянской нормы в доломоносовский период» (Д.Г. Демидов) и глава 6 «Фразеологический аспект в истории литературного языка» (В.Н. Калиновская). Подобное размещение материала представляется несколько композиционно рыхлым, так как не совсем понятен его принцип. Казалось бы, стремление к логической последовательности должно способствовать построению глав, включающих прежде всего философско-лингвистические посылки, составляющие теоретический каркас всей монографии, а затем помещать статьи, которые носят практический, прикладной характер (лингвистический анализ текстов или лингвистических единиц). Однако у авторов, вероятно, своё видение композиции работы, и с этим нельзя не считаться.

Думается, что XVIII век избран не случайно, это – переломный период, время невиданных доселе преобразований в области политики, экономики, науки и культуры, социальной и общественной жизни. Это исключительно важный этап в истории русского литературного языка: распространение просвещения, открытие Академии наук, реформа графики, появление новых жанров (первая печатная газета «Ведомости», переводные воспитательные опусы, «галантные» повести, или «галантереи романические»), выпуск грамматических и словарных работ, небывалый наплыв западноевропейских заимствований. Безусловно, это «лакомый кусок» для изысканий учёных, возможность сказать своё слово в науке, которое тем более ценно, если оно ново и актуально.

Обращение к вопросу ментальности и специфике общества XVIII столетия – времени формирующегося национального языка – вызвано также тем, что именно этот век демонстрирует огромный диапазон жизненно важных проблем. Сказанное доказывает и содержание книги, которое позволяет утверждать, что она формировалась в ходе нелёгких раздумий авторов над ключевыми, подчас весьма неоднозначными явлениями, связанными с развитием и преобразованием русской ментальности в указанную эпоху. Тем более ценным представляются объективная оценка и анализ процессов, исключительное своеобразие которых определяется смешением древнейших и современных (применительно к XVIII веку) культур, социальных укладов, различного рода реформ и новейших литературных влияний. При этом освещение проблем постоянно ведётся под углом зрения страноведения, ныне уже не новой, но весьма важной отрасли в теоретической методологии.

Авторам предоставляется возможность разрешить комплекс накопившихся противоречий, продемонстрировать цельность в описании связи языка и ментальности, показать духовность личности, создававшуюся веками, её образованность, культуру, эмоциональные проявления, понятие совести, истины и справедливости. Тем самым авторы монографии реализуют важную идею – включают её в круг научных направлений, весьма популярных в современной лингвистике, – антропологию. Монография позволяет увидеть не только состояние языка в XVIII столетии, но и те динамические процессы в языке и речи, которые характеризуют лингвокреативную деятельность человека. Связь с антропоцентрическим направлением в лингвистике, которая ярко проявилась в привлечении материала о характере мышления, специфике поведения личности в различных ситуациях, позволяет оценить не только актуальность, но и методологическую ценность представленной монографии. Подтверждением этому является изучение соматической лексики в составе фразеологизмов.

В.В. Колесов предлагает вниманию читателя весьма важную мысль о цементирующей силе «литературности» как общеобязательной норме не только письменного текста, но и устной речи, что является весьма важным, основополагающим в изучении языка XVIII века. Отталкиваясь от этой идеи, автор полагает, что именно она помогает установить «внутренний нерв становления общенационального языка» и показать его «ментальную силу… обеспечивающую лингвистическое единство нации» (с. 21). Кроме того, по мнению учёного, «литературный язык должен соответствовать четырём качествам: использоваться во всех сферах деятельности, обладать нормой, иметь общезначимые единицы речи с выражением понятий, при этом отказаться от местных слов, которые, однако, могут использоваться в качестве стилистических речевых средств» (с. 25). Одобрения заслуживают утверждения о славяно-русском ядре лексики как стабильной части стилистической системы (с. 32), о языке (а не речи) – хранителе ментальности, ибо задача языка выявить эту ментальность посредством представления *образа, символа, понятия,* так как именно они составляют содержательные формы слова.

Функциональная направленность работы позволила увидеть и осмыслить многоаспектность и разнообразие языковых единиц, а также, что едва ли не более важно, – показать языковые механизмы этого функционирования, связь формы и содержания. При формировании национального языка объединение *мира общего* и *мира частного* (национального, «особенного») ни в сфере содержания, ни в области формы нельзя понимать однозначно, а только в диалектике – как их взаимоотрицание и одновременно взаимопритяжение, взаимообогащение. Убедительно представлены проблемы социальной разделённости нации, двуплановость, отражающая проблематическую сопряжённость *мира частного* и *мира общего*, человека и истории, показана система противоречий и противостояния в общественной жизни XVIII века. Это поразительное несоответствие *общего* и *частного* особенно ощущается в сопоставлении отдельной жизни как малой песчинки мироздания с «огромностью», бесконечностью вечного движения, что особенно проявилось в годы деятельности М.В. Ломоносова.

Безусловного одобрения заслуживает последовательно исторический взгляд авторов на взаимодействие изменений, происходящих в обществе и языке. Связь с обществом – и в рассуждениях о роли словесности в обеспечении стабильности нового государственного устройства, формирования и внедрения имперского сознания, и в утверждении о смене культурной парадигмы, повлёкшей изменения в языковой политике Петра I (его реформа азбуки – свидетельство секуляризации жизненного уклада, культуры и литературы), и в смене парадигмы в более широком смысле слова, которая была обусловлена общественными интересами, а также теми именитыми личностями, которые её определяли (Ф.П. Поликарпов, В.К. Тредиаковский, Ф. Прокопович). Эта же связь – в рассуждениях об обусловленности правил выбора и организации языковых единиц, составляющих фразеологизмы, отражающих новые отношения между *государством – обществом – личностью*, «культурным вектором эволюционного процесса», иначе говоря, новые сочетания (неологизмы) обусловлены новым в ментальности («новые времена – новые песни»), чему способствовали В.К. Тредиаковский, Н.И. Новиков, Д.И. Фонвизин, Н.М. Карамзин. И поистине революционный процесс, коснувшийся фразеологизмов, – снятие жанрово-стилистических и функционально-

стилистических ограничений на сочетаемость слов. Всё это – во имя выработки единого литературного языка на национальной основе, отвечающего требованиям времени.

Этот же историзм определяет стремление учесть системные отношения внутри определённого временного периода, причём системность понимается авторами широко, на разных языковых уровнях.

Важно рассмотрение в историческом аспекте функционального распределения в XVIII веке и выделение основных этапов становления русского литературного языка на национальной основе (с. 176). Весьма значим материал, в котором проводится сопоставление лексического состава Азбуковника, составленного В.Н. Татищевым, с Азбуковником середины XVI века Максима Грека (с. 181). Особенно ценно исследование географических трудов В.Н. Татищева – основоположника географии как науки в России, в которых даётся этимологическое объяснение топонимам и этнонимам, а также проводится лингвистический анализ ошибок, допущенных в связи с аканьем, ассимиляцией и диссимиляцией. Но главное – это указание на то, что научные труды укрепляют «средний штиль» – основу «хорошего литературного языка», которым написаны труды учёного и на основе которого формируется язык науки (с. 74, 77). Расширение пределов империи привело, помимо географии и этнографии, к созданию таких наук, как социология и экономика (С.П. Крашенинников), тем самым определяется понятийная база этих отраслей знаний (с. 81). Новая терминология явилась толчком для развития научной мысли – российского языкознания и способствовала интенсивному развитию языка.

Особо следует сказать о работе авторов над предысторией и значимостью реформы М.В. Ломоносова, составляющей одну из глобальных тем монографии, при этом авторы проводят подробный анализ «трихотомии», рассматривая её в вертикальной (стилистический план) и горизонтальной (словообразовательные ряды) проекциях и говоря о системе, которая способствует образованию стилей, а стили создают норму. Привлекают внимание рассуждения о разных базовых тропах на разных этапах развития языка, о первостепенной значимости Ломоносовской теории, объединившей в единой связке язык, стиль, жанр (с. 33), а также новаторский взгляд на реформу учёного, которая способствовала тому, что норма стала восприниматься как понятие не функциональное, а художественно-стилистическое (с. 164). Регулятором распределения русизмов и славянизмов после М.В. Ломоносова стал логический принцип, учитывающий их оппозицию (*конкретное* ‘вещь’ – *отвлечённое* ‘идея’).

В критическом аспекте даны попытки создания «триады» другими авторами, в частности, «неконструктивное понимание среднего стиля» Феофаном Прокоповичем, который психологически обосновал три стиля: «Учить необходимо низким стилем, восхищать средним, возбуждать высоким» (с. 152).

В монографии *народ* теоретически представлен как решающая материальная сила истории, носитель и хранитель национальных духовных ценностей, нравственного и физического здоровья, по отношению к нему должны раскрываться духовные достоинства остальных слоёв общества. И это вполне логично, объективно и справедливо. «Выражение в языке народной ментальности» обусловило новый подход к новой проблеме (с. 3). Ментальность народа как осознанная его

духовность, проявляющаяся в национальных формах «речемысли» (термин А.А. Потебни), по утверждению В.В. Колесова, – реальная сила, направляющая развитие нового литературного языка (с. 33). Именно народно-разговорный (естественный) язык создаёт возможность выбора нормативного варианта. К сожалению, эти ценные посылки не нашли своего практического подтверждения. В монографии представлен анализ в основном сакральной литературы: у Д.Г. Демидова – проповеди «О языке святителя Димитрия Ростовского», «Язык произведений Стефана Яворского», «Язык слов и речей Феофана Прокоповича» (с. 92–142); у О.А. Черепановой – «Слова и речи» Ф. Прокоповича, «Ода торжественная» В.К. Тредиаковского, оды М.В. Ломоносова, а также похвалы, панегирики (с. 47–60). В.Н. Калиновская при подборе источников, демонстрирующих специфику фразеологизмов в языке указанной эпохи, ориентируется прежде всего на книжно-письменные тексты. Поэтому проблема *русское* остаётся лишь в посулах чисто теоретических, в них традиционно утверждается, что *славянское* – родовое понятие по отношению к видовому – *русское*. В то же время с темой *народ* связана тема Руси, Отечества, России, что, казалось бы, неизбежно должно быть отражено в соответствующих текстах, однако в монографии она не получила своего подтверждения, несмотря на обилие источников, демонстрирующих процесс демократизации языка и содержащих преимущественно народно-разговорную лексику (переводы и первые поэтические опыты В.К. Тредиаковского, сатиры А.Д. Кантемира, «Гимн бороде» М.В. Ломоносова, комедии А.П. Сумарокова, ода Г.Р. Державина «Вельможа», сатирические журналы Н.И. Новикова и др.).

Говоря о важности нормативных словарей, авторы правомерно уделяют особое внимание «Словарю Академии Российской» (1789–1794), составленному в соответствии со стилистическими установками М.В. Ломоносова. Мимоходом указывается «Словарь церковнославянского и русского языков» (1847). Вместе с тем, имея в виду значимость вопроса о взаимодействии исконно русских, народных и церковнославянских элементов, нелишне было бы обратить внимание на «Лексикон треязычный» Фёдора Поликарпова (1704), «Латино-немецко-русском лексиконе» Э. Вейсмана 1731 г. и другие лексиконы, которые содержат интересующие авторов данные.

В первых строках «Предисловия редактора» В.В. Колесов акцентирует внимание на том, что «книга написана в жанре исследовательского реферата – новой формы научного исследования» (с. 3), тем самым, вероятно, ориентируя читателя на облегчённое чтение. Однако язык монографии весьма сложен (исключение – текст В.Н. Калиновской), перенасыщен неизвестными или малоизвестными терминами, абстрактными лексемами и трактовками, завуалированными рассуждениями, иногда – «плетением словес», что делает затруднительным его восприятие даже профессионально подготовленными специалистами-филологами, не говоря уже о «широком круге читателей», которому также адресована монография.

В работе имеются некоторые спорные вопросы и неясности.

Не вполне понятны теоретические посылки, отвечающие на вопрос, почему в гармоническом здании – «трихотомии» разместилось все богатство *славянского* лексикона (с. 12), если этот лексикон благодаря М.В. Ломоносову, наряду с другими стилями, получил своё место в *единой системе русского литературного языка*. При этом он потерял свою «приоритетность» родового и стал лишь одним

из его стилей. Интересно было бы чётко представить сам механизм перехода трёх (двух) языков в 3 стилистических разновидности «видового», то есть менее значимого, по сравнению со старославянским, русского языка.

Не отвечает действительности и не подтверждено фактами высказывание Д.Г. Демидова о «перераспределении средств языковой системы… в направлении *славянизации лексики*» после вышедшей в свет в 1730 году «Езды в остров любви» В.К. Тредиаковского (с. 91). Тогда как быть с активизацией процесса демократизации языка, получившего своё отражение в предшествующем веке в творчестве авторов демократической сатиры и Аввакума и продолженного Петром I в его реформе азбуки, нацеленной на признание приоритета светской, а не церковной литературы?

Почему-то панегирик «Слово на погребение Петра» Ф. Прокоповича с идеей вечной жизни правителя вдохновил О.А. Черепанову на ассоциацию с социалистическим аншлагом: «Ленин жил, Ленин жив…». Не прав и противоречив автор, утверждая, что в российской словесности, несмотря на *давность традиции*, сакральная тема бессмертия *впервые* перенесена на земных правителей XVIII века (с. 46–47). Данный тезис опровергают материалы глубокой древности, в частности «Слово о Законе и Благодати» Илариона (XI в.), в котором автор призывает князя Владимира «восстать из гроба»: **встани, о честная главо, отъ гроба твоего, встани, отряси сонъ** – прославляя его и благословляя на вечную жизнь.

Не вполне объективно также утверждение автора о тенденции божественной природы самодержавной власти, получившей, по его мнению, «наивысший расцвет» в Петровское время – век «торжествующего самодержавия» (с. 55), в то время как идея «обожествления монарха» достигла своего апогея двумя столетиями ранее, свидетельством чему – знаменитые письма Ивана Грозного, в которых концепция предназначенности, предопределённости царской власти богом блистательно воплощена самим монархом.

Оценивая монографию в целом, следует сказать, что это весьма значимый коллективный труд, достойно выполненный ведущими учёными-лингвистами, результаты исследований которых заполняют одну из существующих и существенных лакун в истории русского литературного языка эпохи формирования языка нации. Именно в этом состоит её вклад в необычайно важную и малоизученную научную дисциплину, предусматривающую решение сложнейших проблем, касающихся связи эволюции языка с развитием и становлением русского национального сознания – современной формы ментальности.

Нет сомнения, что монография, обогащённая глубокими мыслями, богатыми, перспективными идеями и оригинальными концепциями, дискуссионными материалами, выполненными в духе лучших традиций лингвистической критики, вызовет интерес научной общественности и будет служить настольной книгой для всех специалистов, занимающихся проблемой языка и ментальности в русском обществе XVIII века.

Поступила в редакцию
21.07.15

Николаева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: *i.tarchevsky@mail.ru*